

Т.Л. Кузнецова

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН, Сыктывкар*

**Коми рассказ рубежа XX – XXI вв.:
изображение будничной повседневности –
форма воссоздания жизни**

Аннотация: Автор останавливает внимание на одной из форм воссоздания жизни, выработанной коми рассказом рубежа XX–XXI вв. – подробном изображении будничной повседневности. Выявлено, что в тяготении к воссозданию привычных второстепенных деталей и штрихов скрыто упоение жизнью, стремление утвердиться в ее самоценности; в данном явлении нашел выражение очень непростой процесс формирования новых мировоззренческих установок.

The author of article focuses attention on the one of the forms of life reconstruction, which was developed in the komi short story at the turn of the XX–XXI centuries – on the detailed representation of every day life. It is detected that in gravitation to a reconstruction of usual and minor details and features the ecstasy of life and the desire to assert oneself in it self-value is revealed; in the considered phenomenon was founded the expression of very compound process of the new world-view formation.

Ключевые слова: коми рассказ, литература конца XX – начала XXI в., будничная повседневность, предметная изобразительность, описание, детализация, мировоззрение.

The short story of the Komi, the literature of the end of XX – beginnings of XXI centuries, every day life, the subject in the figurative style, the description, detailed elaboration, world-view.

УДК: 821.511.132-32 «19/20».

Контактная информация: Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, сектор литературоведения. Тел. (8212) 243533. E-mail: kuznetsovatl@mail.ru.

В непростой период переосмысления, что переживает современное общество, коми рассказ находится в состоянии поисков. В поисках, что находят различные формы выражения, его внимание обращено на обычное, повседневное течение жизни, ее второстепенные моменты и реалии. Следует отметить, в обращении к повседневной будничности кроется некая демонстративность, желание противостоять свойственной советской литературе утопичности. Думается, в то же время в несколько нарочитом упоении живописанием пестроты жизни скрыты апокалиптические ощущения, что в полной мере переживает современник, поверженный хаосом жизни. На наш взгляд, данный феномен выражает и отмеченную исследователями тенденцию, что «связана с ориентацией современных литературных произведений, отходящих от традиций постмодернизма, одновременно на элитарного и массового читателя, со стремлением авторов приблизиться

к обыденному сознанию, сделать текст более удобочитаемым и удобовоспринимаемым» [Гавенко, 2011, с. 45]. В целом, несмотря на те или иные обстоятельства, в рассказе обострилось внимание к жизни, в нем усугубилось стремление изобразить ее такой, какая она есть (произведения А. Вурдова, Н. Куратовой, В. Лодыгина, А. Одинцова, Э. Тимушева, О. Уляшева и др.). На наш взгляд, замечание М.А. Литовской о том, что для русской литературы 1960–70-х гг. характерны «видение повседневности как проблемы, стремление к анализу практик частного существования человека, ориентация на расшатывание жесткой и однозначной интерпретации и оценки человеческой жизни» [Литовская, 2009, с. 194], актуально и для коми рассказа рубежа XX–XXI вв. (многое сближает духовную атмосферу «оттепели» и периода «перестройки»). В ряду произведений, что акцентируют внимание на повседневности, второстепенных явлениях и фактах, выделяются рассказы, для которых характерны достаточно своеобразные черты (рассказы А. Вурдова «Прёв Микёллён “флор”» («“Флор” Пров Микола», 2011), А. Вурдова «Адзысь» («Видящий», 2011), Н. Куратовой «Благёвещенньё» («Благёвещенье», 2009), Н. Куратовой «Ёна и песі лолёс талун» («Ох и сильно маяла, терзала душу сегодня», 2011), Н. Чугаева «Каньыд мойдё, мортыд кывзё...» («Кошка сказывает, человек слушает...», 2007) и др.), позволяющие высказывать суждение о том, что, видимо, формируется новое, качественно иное отношение авторов к миру: привычное течение будней, движение неярких событий воспринимается как нечто значимое. Прозаики не стремятся насытить повествование подтекстом, утверждая самоценность жизни – жизни как таковой. Авторы словно почувствовали особый вкус в привычном, веками сложившемся движении жизни (чувство удовлетворенности определяет состояние героя) – том неприметном, что формирует поступь. Прозаики неуловимо дают почувствовать читателю насколько важно, значимо то, что кажется на первый взгляд второстепенным. Так, Н. Куратова, строя сюжет рассказа «Благёвещенньё» на детальном описании праздничного дня (автор находит необходимым остановить внимание даже на самых незначительных деталях и подробностях), завершает произведение жизнеутверждающим заключением: «Вылыс судтаас пос вывті кайиг сералышті ас вылын: мися, со Благёвещенньё луныд кыдзи коли: асывнас пон кильчё помын виччысис, рытнас кильчё дорёдз колляліс. Гортын нёшта кань виччысьё. Мед тадзи быд ловья ловкёд сёгласён да бурён и водзё луньясыс кутасны кольны. Мый нёшта меным колё?

Мед тулысыс ёйёджык воас да шондёдас.

Бара на мыйсюрё град вылё пуктам и.

Тайё ёд и збыль олёмыс».

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, посмеялась над собой: вот как прошел день праздничный – Благёвещенье: утром собака у крыльца ждала, вечером до крыльца проводила. Дома кошка ждет. Пусть так с каждой живой душой в добром согласии и впредь дни будут проходить. Что мне еще надо?

Пусть скорее весна наступит да потеплеет.

Снова на грядки кое-что посадим.

Это и есть настоящая жизнь.

(Здесь и далее перевод подстрочный наш. – Т.К.).

Картина жизни гармонируется, наполняется живыми красками. Меняется семантика действия: действие неторопливое, нутряное формирует самое жизнь, вселяясь в мельчайшие ее проявления. Герой словно отгеснен на второй план, будучи включенным в поток жизни. Ориентация на повседневность, обыденность граничит с бессобытийностью: писатель видит движение жизни не в ярких, обращающих на себя внимание происшествиях, а в семяющей рутинной, узнаваемой цепи явлений. Особый статус получает житейски-бытовой уровень жизни, он словно нашел оценку: к этому приходит современная проза в художественных

поисках. Отсюда и пафос любования, звучащий в речи автора: художники счастливы в открытии. Так, художественную ткань рассказа Н. Чугаева «Каньыд мойдö, мортыд кывзö ...» составляет мерное повествование о мелких житейских проблемах и радостях, что заполняют жизнь героя. Ведая о повседневном течении жизни героя, автор останавливает внимание на том, что Аскур Геня наделен необъяснимым даром: при любых условиях, всегда рыба клюет на его удочку. Он от души, с удовольствием угощает соседей рыбой. Вот и в тот день, что подробно описан в рассказе, Аскур Геня идет на речку. Ему очень хочется угостить рыбой, что поймана на его удочку, внука. И когда весь его улов выкрали озорники-мальчишки, он не сердится – вновь спускается к речке. «Бур талун луныс! Слабог, и чериыс шедö...» (Хороший сегодня день! Слава богу, и рыба ловится...), – улыбается он в усы. Изображенные события создают впечатление повторяющихся, нескончаемых; в их чередовании кроется сила эпичности, она утверждает мощь незатейливого движения жизни (данная семантика заложена и в заглавии произведения). Читатель ощущает, что в утвердившейся последовательности действий героя, его реакции на происходящее находит выражение характер сложившийся, сильный в своей цельности. На наш взгляд, в раздумьях об обозначившихся особенностях художественного развития современного коми рассказа представляется уместной ассоциативная связь с некоторыми представлениями об эстетической ценности и художественной значительности писателей, связанных с видом русского реализма – Натуральной школой. Так, Ю.В. Манн приходит к мысли, что, по Н.В. Гоголю, «эта значительность вырастает из всей целокупности человеческих отношений, в том числе из ее, как говорил Гоголь, низких рядов, «сора и дрязга», из жизненной пошлости, которая (какой неожиданный парадокс!) не только может служить питательной почвой высокого искусства, но даже усиливать ее воздействие» [Манн, 2010, с. 3–4].

Мысль о значимости привычных, повседневных явлений связана с тем, что утверждается взгляд об ослаблении преобразующей роли человека: современник переживает период формирования новых, качественно иных мировоззренческих установок. Человек уже не созидатель, он не преобразует мир, а живет в гармонии с жизнью, прислушиваясь к ее ритму. Оттого особым смыслом наполняются второстепенные детали и проявления жизни. Формируются новые концептуальные подходы к образу человека в его связях с миром. В связи с этим, думается, следует обратить внимание на то, что меняется воссоздаваемая картина мира: человек – уже не организующий центр. Постепенно уходит ощущение катастрофичности; размеренность входит в картину жизни, к авторам словно приходит осознание многомерности жизни. Сознанием писателей овладевает мысль об эволюционных способах формирования процессов развития жизни, о ее непринужденном течении; утверждается концепция приоритета естественного развития жизни. Некая мудрость усматривается в ее стихийном самодвижении; повседневность обретает самоценность. В связи с отмеченными особенностями художественного развития современного коми рассказа, думается, уместно привести размышления известного исследователя русской литературы рубежа XIX–XX в. В.А. Келдыша относительно неореалистического течения русской прозы означенного периода: «Противоположение “бытового” “историческому” ... имело характер относительный. ...Его определяющую особенность можно характеризовать как “бытие через быт”» [Келдыш, 2010, с. 176]. Ощущая необходимость в выражении отношения к миру, писатели не выражают его непосредственно. Текст строится таким образом, что в глубине его словно светится тепло авторского отношения, живой интерес к привычным и обыденным явлениям жизни. Воцаряется тихий пафос любования. Примечательно, что упоение будничным, повседневным, привычным – тем, что воспринимается как второстепенное, не находит ярко выраженных проявлений: отношение авторов скрыто в глубине текста. Рождается некий затаенный, тихий пафос живописания. Ликование авторов, сокрытое, наполняет описа-

ние особым, утверждающим значением (думается, структурообразующую роль в малой прозе современности играет авторское начало: период порубежья – время переосмысления, особенности форм выражения сознания автора во многом определяют специфику поэтики малых форм). Неторопливость изложения, детализация изображения, нарочитая акцентация внимания на привычно-бытовых проявлениях жизни таят любовное отношение автора: он словно с удовольствием рассматривает многоцветье жизни. Текст слагается таким образом, что наполняется значимостью каждое ее проявление. Так, художественная ткань рассказа А. Вурдова «Аддзысь» наделена некой художественной силой, что связано, на наш взгляд, со сферой авторского отношения. Воссоздавая течение будней, ничем не приметных, автор воспринимает их как праздник и вкушает удовольствие, изображая, описывая. Автор время от времени ощущает необходимость выразить и ощущения героя. Это и чувство удовлетворенности при завершении работ – тех или иных дел, выполняемых героем (автор находит нужным фиксировать все, чем занят герой): «Но вот, дас тув ыджда куим туйс петё», – думыштис вёчысь да дёвёльпырысь лольштис (Ну вот, вмещающие десять фунтов три теса получают, – подумал мастер и, довольный, вздохнул)». Это и особые ощущения, возникающие у героя при общении с природой. «Шондйис да Муыс тэныд вын сетёны, а тэ юктёдан Му вылын олысьясёс! Ловзьёдан, ловзьёдан! (Солнце и Земля тебе силу дают, а ты поишь живущих на Земле! Оживляешь, оживляешь!)» – приговаривает он, поглаживая руками ствол березы. «И бара на ылысса гёгөрвотём, но зэв нин лёсьыд шылад байкёдис пёрысь мортёс. Лючки вёвлытёмтор! Ёд кужны став гёгёрыскёд, мирыскёд артмёдны лов пыр йитчём – сійё и эм лёсялём! (И снова совсем непонятная, но очень уж приятная, хорошая мелодия убаюкивала старика. Вовсе небывалое! Ведь сумеет со всем миром, окружающими слиться душой – это и есть гармония!)» – душу немолодого человека захлестнули теплые чувства.

А в весьма своеобразном прозаическом опыте поэтессы Н. Павловой – рассказе «Шондй пуксян кадё» (В часы, когда садится солнце, 2011) – изображение течения повседневных событий обогащено некими элементами, формирующими подтекст, несущий лирико-психологические функции. Описывая детально – вплоть до мельчайших подробностей – эпизод, представляющий прогулку близких людей, автор передает и духовно-эмоциональную атмосферу, что соединяет героев: произведение лирично. Герои настолько близки, что, шагая в спокойной сосредоточенности, могут позволить себе не думать друг о друге. Текст рассказа «составляют» мысли, что мелькают в сознании героини, короткие фразы, коими все-таки обмениваются герои, описание картин, что проходят перед глазами героев – автор фиксирует то, чем заполнен изображаемый период жизни героев. В созерцании, фиксации происходящего герои покойно-безмятежны и счастливы. «Мунім водзё. Со и тёдса улича. Кыдзи и век, тэрмасьёны кодй кытчаны ётдор войтыр ...И ме ёткён чёла восьлала ас оланінлань ... Бытьё ветлі гортёдз, но эг волны ни эг пырав. Шондй саяліс ...

Аски лоб выль лун» (Пошли дальше. Вот и знакомая улица. Как всегда, незнакомые, посторонние люди спешат кто откуда... И я в одиночестве молча шагаю по направлению к своему дому... Будто сходила домой, но не дошла и не зашла. Солнце спряталось ... Завтра будет новый день), – завершает повествование автор, словно отметив прошествие некоторого промежутка времени.

В концентрации внимания на повседневном, обыденном течении жизни писатели останавливают взгляд и на конкретном событии – малозаметном, не имеющем особой значимости; в данном случае рассказ сближается с дневниковыми записями (и, думается, принимает черты короткого рассказа). Так, в рассказе Н. Куратовой «Ёна и песй лолёс талун» ведется повествование о том, как в один из вечеров героиня заглянула на огонек к подруге, и, пока та готовила на стол, засмотрелась на транслировавшийся по телевидению поединок борцов. Автор

живо представляет читателю внутреннее состояние героини: «Господь – Енмё, пока виздбді налысь вермасьёмсё да тышсё, лов пытшкын менам тшотш жё сэтшом тыш муніс. То сувтла өти дорыс, то мёдсө нин ышдөда. Öти гөлсө горзө ме пытшкын – американечыслы эн сетчы! Америка мед оз ёна лэптөдлы нырсө! А мөд гөлсө дорйө нин негр зонтө да ышдөдө: – мыйла он ёнджыка скрөмыв?! Эн сет асьтө өбидитны! ... Сөмын на ышдөд лөнъ ныр-вома негртө, а сөсся здук бөрын бара нин пиняла сйбс...» (Господи, смотрела их борьбу и драку, в моей душе тоже такая жестокая драка шла. То одного поддерживаю, то подбадриваю другого. Один голос во мне кричит – не поддавайся американцу! Пусть Америка особо сильно нос не задирает! А другой голос уже защищает парня-негра и подстрекает: – Почему не рассердишься сильнее?! Не давай себя в обиду! ... Только позадори-вала смирного, спокойного на вид негра, а через минуту вновь ругаю его...).

В рассказах данного типа сюжет лишен напряженной силы развития: его «составляет» пестрый калейдоскоп явлений. Возрастает роль описания, более того, описание становится способом выражения отношения автора. В обстоятельном, нарочито подробном описании скрыто тепло. Думается, можно вести речь об обилии, засильи – более того, о культе подробностей. Данный тип художественного изображения сродни предметному описанию. В воссоздании жизни во всей полноте подробностей художники усматривают один из способов достижения объективности. Авторы стремятся к детализации в характеристике. Так, детализируется, наполняется подробностями описание действия. Детализируя описание, насыщая его рассуждениями, эмоциональными высказываниями, – автор представляет действие замедленным. В раздумьях о том, что есть жизнь, авторы приходят к мысли, что в житейской повседневности, привычной будничности, ее естественном течении заключена незамысловатая мудрость. Текст рождает особый эффект воздействия – нечто, на наш взгляд, весьма близкое тому, что В.В. Эйдинова определяет как энергия стиля [Эйдинова, 2009, с. 10–11]. Обстоятельное, подробное описание незначительных, второстепенных событий воссоздает неторопливое, естественное движение жизни (авторское описание любовно освещает все и вся: быт, привычная повседневность утверждают некие вечные житейски – жизненные основы). В калейдоскопе повседневности, рассыпающейся в описаниях, словно открывается широта и могущество жизни, утверждается ее самооценность. Формируется тип описания, фиксирующий незначительно-второстепенное, живущее в веках: в исследовании жизни писатели концентрируют внимание на неизменном. Так, ироническая подоплека скрыта в названии рассказа А. Вурдова «Прөв Микөллөн “флор”»: флора, с целью исследовать которую приехали из Санкт-Петербурга научные сотрудники в родные места главного героя рассказа – естественная среда, с которой сросся герой. И тысячи подробностей, что известны герою о флоре, входят естественной составной в его жизнь и жизнь его предков. «Самый главный флор – это ваша родина!» – убежденно говорит главный герой исследователям на прощание. Следует отметить, в раздумьях о художественных поисках коми рассказа порубежья, стремящегося освободиться от идеологизированных концепций, нам близки заключения А.С. Карпова, одного из исследователей творчества И. Бунина: «Внимание писателя привлекают не события, оставляющие след в истории, а будничное течение дней: каждое проявление жизни оказывается для него по-настоящему значительным. Каждая ее деталь – важной, каждый момент – существенным. И человек у Бунина на фоне внеисторической (но не вневременной) жизни асоциален, аполитичен» [Карпов, 2008, с. 162]. Герой современного коми рассказа также подчеркнуто асоциален, аполитичен. В умах современников проснулось доверие к вечной мудрости жизни: в этом типе рассказа словно прорывается сермяжная, житейская правда, что живет веками в народе. И это является художественным открытием на пути освобождения литературы от идеологических пут. Думается, данная тенденция в развитии современного коми рассказа выражает попытки литературы воссоздать полно-

кровную, убедительную в реалистичности картину течения жизни. Это тот случай, когда экстенсивность является одной из переходных форм на пути к глубине текста: подробное в детализации изображение открывает естественное развитие жизни. На наш взгляд, в данном случае допустимы аналогии с художественной ролью массовых сцен. Так же, как и массовые сцены, воссоздание будничной повседневности – ковра, сотканного из суеты – способствует убедительности в изображении жизни.

Итак, выражая попытки литературы освободиться от идеологизированных воззрений, комический рассказ обращается к жизни. Писатели усматривают некую изначальную мудрость в самодвижении жизни и словно выражают ей доверие (это находит выражение и в воссоздании житейских, бытовых подробностей: человек включен в сложившуюся в веках систему связей и отношений). Обретают значимость привычные проявления жизни: ее самоценность выдвигается на первый план. Героям доставляют неимоверное удовольствие привычные, будничные проявления жизни, житейские мелочи; автор разделяет эти чувства. Думается, данные тенденции в развитии рассказа связаны с процессами гармонизации, что переживает современное общество. Общество вырабатывает убеждение в том, что существуют закономерности саморазвития жизни; в этом – основа новых концептуальных воззрений, что формируются в сознании современника. Готовность принимать мир таким, каков он есть в его естественном развитии – качественно новая черта, характеризующая мировоззренческие установки современника: в переживании катаклизмов, видимо, наступает период оздоровления. На наш взгляд, литература вырабатывает новые концептуальные воззрения.

Литература

Гавенко А.С. Метаинтертекстуальность в художественном тексте (на материале русских рассказов 80-х годов XX–XXI веков) // Филология и человек. 2011. № 2.

Карпов А.С. Феномен жизни в прозе И. Бунина (на материале романа «Жизнь Арсеньева») // Семантическая поэтика русской литературы. Екатеринбург, 2008.

Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М., 2010.

Литовская М.А. Перечень предметов как форма организации автобиографической прозы // Лицо и стиль. Екатеринбург, 2009.

Манн Ю.В. Парадокс о Гоголе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 1.

Эйдинова В.В. Энергия стиля. О русской литературе XX века. Екатеринбург, 2009.